

ЯКУТСКІЕ ЭТЮДЫ.

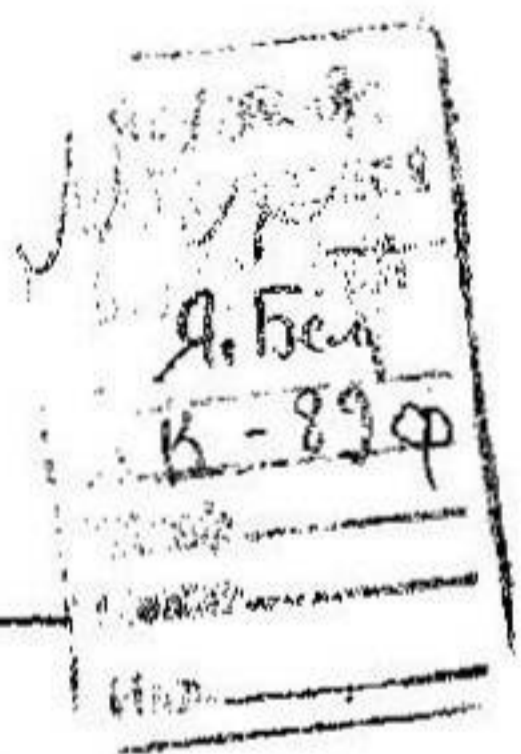
(ФЕЛЬЕТОННО—САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

3.

Издаше Савенкова.

ВЫПУСКЪ I.

Кузька.

05217

ТОМА И ЕРЕМА

ВЪ ЯКУТСКЪ.

Цена 20 коп.

Готовятся къ печати дальнѣйшіе выпуски

„Якутскихъ этюдовъ“.

Оома и Ерема

ВЪ ЯКУТСКЪ.

— * —

Иду я однажды по улицамъ Якутска и вдругъ встрѣчаю...
Кого бы вы думали?

Оому и Ерему!

Тѣхъ самыхъ братьевъ-неудачниковъ, о которыхъ поется въ
пѣснѣ, что

Оома пошелъ на дно,

А Ерема тамъ давно.

Участь героевъ русскаго народнаго эпоса я всегда принималъ близко къ сердцу. Въ дѣтствѣ, читая или слушая объ ихъ походахъ, я радовался ихъ радостями, скорбѣлъ ихъ скорбями. Особенно волновала меня трагическая кончина Оомы и Еремы.

Эти два героя представлялись мнѣ глупыми, но добрыми мальчиками, готовыми ужиться съ самимъ чортомъ, лишь бы онъ ихъ кормилъ и не обижалъ.

— Слушай, тятка, — приставалъ я къ отцу, — да почему-же они потонули?

— Знаю, дураки, — отвѣчалъ отецъ, — челнока криваго не умѣли выбрать, — вотъ и потонули.

— Почему-же они неплыли? До берега-то могли бы доплыть. Пошто они такіе незадачливые-то были?..

— Стало, и плавать не умѣли. Ничего они не умѣли. По новѣйшимъ вѣстямъ имъ бы въ прокуроры или въ жандар-

мы пойти—ничего-бы, кормялись, а въ тѣ поры куда пристроиться? Ну, и пропали ребята!

Щеятно послѣ этого, какъ обрадовался я, встрѣтивъ обонхъ братьевъ въ Якутскѣ живыми и здоровыми.

— Эй, Оома,—обликнулъ я старшаго брата,—постой-ка!—

Но Оома сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, и шелъ дальше. Это заставило меня повнимательнѣе взглядѣться въ обонхъ братьевъ.

Нѣтъ, я не ошибся—это они, точно такіе, какими сохранила ихъ народная память со времени ихъ прежнихъ выступленій на общественномъ поприщѣ. Только видъ у нихъ сталъ самоувѣренный и гордый.—Значитъ заважничали,—рѣшилъ я и безъ дальнѣйшихъ церемоній дернулъ Оому за рукавъ. Началась босѣда. То что я услышалъ было необычайно до крайности. Говорилъ по преимуществу Оома, а Ерема лишь поддакивалъ съ олимпійскимъ величіемъ.

— Да ты живъ, Оома!—началъ я.—А вѣдь про васъ съ братомъ даже въ пѣснѣ...—

— Пѣсня—ерунда...—

— Ну, а что-же вы тутъ дѣлаете? Неужели, по старому, занимаетесь предпріятіями и терпите неудачи?—

Оома посмотрѣлъ на меня презрительно и промолчалъ, видимо обидѣвшись. Въ этотъ моментъ пальто у Оомы распахнулось (можетъ быть это сдѣлалъ вѣтеръ, а можетъ быть и самъ Оома). Подъ пальто я увидѣлъ форменный сюртукъ, украшенный чѣмъ то въ родѣ значка высшаго учебнаго заведенія. Тотъ же маневръ продѣлало пальто Еремы, обнаруживъ ту же картину.

Я смотрѣлъ съ изумленіемъ. Вдругъ въ памяти моей возникли забытые факты: забастовки, отказъ отъ науки, пренодо-

ваемой профессорами—ташкентцами, отставка „крамольныхъ“ чиновниковъ и, на ряду съ этимъ, появленіе тиновъ съ громадными ртами на маленькихъ головахъ; они низко кланялись, ловко шаркали и что-то получали. Ихъ можно было видѣть въ университетахъ (это тѣхъ, которые помоложе) и въ столичныхъ переднихъ (тѣхъ, кто постарше)... Ва!—Да вѣдь это все они-же, славные братья, вынырнувшіе изъ глубины народнаго творчества, чтобъ вновь удивить отечество своими подвигами. Я понялъ.

— Служишь?—

— Какъ видишь,—отвѣчалъ Тома и сталъ разговорчивѣе.— Да и нельзя не служить: отечество протянуло вамъ руку помощи, и теперь пришла наша очередь спасать отечество. Настало время, когда повсемѣстно въ Россіи нужны люди съ инициативой, а здѣсь—въ особенности. Приходится, конечно, жертвовать собою, мириться, напримѣръ, съ отсутствіемъ театра, музыки и другихъ развлеченій, необходимыхъ для культурнаго человѣка...—

— Но кто же заставляетъ васъ жертвовать собой?—прервалъ я Тома.— Не лучше-ли предоставить инициативу общественнымъ силамъ?—

— Общественная инициатива—ерунда,—выѣшался Ерема.

— Конечно!—подхватилъ Тома.— Только мы, черпающие свои силы изъ источника, облеченнаго полнотою власти, можемъ пробудить къ жизни эту забытую Богомъ страну. Ты представь себѣ, напримѣръ, что плавучіе льды Ледовитаго океана остаются до сихъ поръ незаселенными!.... Въ Якутской области до сихъ поръ не было даже попытки разведенія такой полезной птицы, какъ страусъ! Гдѣ-же была общественная инициатива?—

— Ты скажешь, что нѣтъ путей сообщенія? Да это же

стяки! Мы съ Еремой уже обсуждали этотъ вопросъ и рѣшили приступить къ постройкѣ конно-воздушной желѣзной дороги. Кроме того мы устроимъ воздушно-океанское пароходство!—

Тома оживлялся чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

— Цовѣрь, — восклицалъ онъ, — что мы создадимъ здѣсь блестящія перспективы! Стоитъ только использовать все и годное, и негодное, какъ это дѣлаемъ мы: и старый шлакъ, и прошлогодній мартовскій павозъ, и всюду пристающій бацный листъ, напоминающій фальшивую, пробитую кредитку и получившій удостоверение въ негодности отъ городского судьи — все найдетъ у насъ примѣненіе для своей дѣятельности.

Конечно, пока еще таланты не развернулись, но уже на ту-скломъ фовѣ начинаютъ выдѣляться гиганты мысли

Вотъ, напримѣръ, маститый подъяженеръ Ерема (теака моего брата). Онъ не давалъ о себѣ знать цѣлый годъ. Злые языки уже стали говорить, что онъ занялся игрой въ бирюльки съ другими маститыми младенцами. Оказалось вовсе нѣтъ: Ерема придумалъ трубу для фонтана въ воеводскомъ саду, причемъ матеріаломъ взялъ... сыпучій песокъ собственнаго производства. Положимъ, первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ, но... это же ничего не доказываетъ! Важна глубокая ученость, обнаруженная Еремой въ его специальности, смѣлость замысла, широта умственного кругозора... Слыхалъ ли ты до сихъ поръ что либо подобное?

Я молча развелъ руками. Видя мое недоумѣніе, Тома воскликнулъ: — Ага! — и продолжалъ:

— Въ области законодательства успѣлъ пока отличиться гордивчій Ерема. Онъ обнаружилъ гениальную предусмотрительность въ борьбѣ со свободой... то бишь, съ распущенностью

печати, господствующей въ отдѣлѣ газетныхъ объявленій. Отнынѣ онъ рѣшилъ примѣнять такія правила: каждая торговая фирма, желающая помѣстить свое объявленіе въ газетѣ, должна представить нотаріальные акты, удостоверяющіе ея существованіе. Но такія условія считаются льготными и распространяются только на объявленія торговыхъ фирмъ; что же касается частныхъ лицъ, желающихъ помѣстять свои объявленія, то отъ нихъ пока предположено требовать: метрическое свидѣтельство, видъ на жительство и свидѣтельство о привитіи оспы, а въ будущемъ Ерема, какъ слышно, намѣренъ еще потребовать свидѣтельствъ о бытіи у исповѣди и святаго причастія и о политической благонадежности.

Теперь возьмемъ юриспруденцію. И здѣсь...

— Стой, — Тома, — прервалъ я своего собесѣдника. — Вотъ ты говоришь о заселеніи плавучихъ льдовъ. Но вѣдь это предпріятіе рискованное. Смотри, не было-бы это повтореніемъ твоей старой исторіи съ дырявымъ челнокомъ. Положимъ, вамъ обоимъ съ Еремой удалось выплыть, но вѣдь это не всегда такъ удачно кончается. —

Тома опять обидѣлся, какъ это было и въ началѣ бесѣды.

— Само собой понятно, — отвѣчалъ онъ, — что не сами-же мы съ Еремой пойдемъ заселять плавучіе льды! Если судьба спасла насъ для блага родины, то, конечно, мы должны бороться съ нею и служить народу лишь въ качествѣ высшихъ руководителей.

Да, впрочемъ, какъ ты смѣешь сомнѣваться въ цѣлесообразности нашихъ проектовъ? —

Тонъ Тома принималъ угрожающій характеръ, пальто опять распахнулось и изъ подъ него вновь внушительно выглядывалъ форменный сюртукъ.

Я счелъ за лучшее разстаться съ братьями и поспѣшилъ удалиться, а Юма долго еще кричалъ мнѣ вслѣдъ, чѣмъ-то угрожая.

— Конечно, — раздумывалъ я удаляясь, — герон народного творчества забавны; ихъ можно и жалѣть наивнымъ дѣтскимъ чувствомъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока они плаваютъ въ дырявыхъ челнокахъ и заселяютъ плавучіе льды сами. Совсѣмъ другое дѣло, когда они являються въ роли высшихъ руководителей и — чего, Боже, упаси! — облеченныхъ полнотою власти. —

Лучше бы они утонули!

Кузьма.

С. В. Лржиборовскій.

35852

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В. М. Жонову.

— * —

Всеголодъ Михайловичъ. Обращаюсь къ Вамъ, игнорируя Вашихъ сочленовъ по Редакціонной Комиссiи „Якутской Жизни“: г.г. Михалевича и Цыпина, т. к. лично къ Вамъ относюсь съ полнымъ уваженіемъ и надѣюсь встрѣтить въ Васъ должное безпристрастіе.

Не сгоряча, а достаточно обдумавъ возможные послѣдствія, говорю Вамъ, какъ морально-отвѣтственному редактору „Якутской Жизни“: *стыдно.*

Вы—признанный общественный дѣятель, руководитель общественнаго мнѣнія, употребили противъ меня пріемъ, назвать который настоящимъ его именемъ стѣсняюсь.

Вы посчитались со мной за мои рѣчи на собраніи 28-го іюля. Это ясно. Недоразумѣніе чисто личнаго характера Вы использовали какъ поводъ, чтобы дискредитировать меня въ глазахъ той части общества, мнѣніемъ которой я дорожу. Зная, что я не могу съ Вами бороться Вашимъ оружіемъ: газетнымъ словомъ, Вы, въ сознаніи своей силы и формальной безнаказанности, употребили противъ меня именно это оружіе. И этимъ оружіемъ исполнили приговоръ.

Знаете, Всеволодъ Михайловичъ, „правосудіе“ Ренцикам-
пфа и К^о пожалуй состоитъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ не-
справнымъ правосудіемъ, чѣмъ Ваше. Ренцикампфъ и К^о уни-
чтожали „враговъ“ (по ихъ мнѣнію) государства и общества,
а Вы — расправляетесь съ личными противниками и опо-
нентами, имѣвшими смѣлость не соглашаться съ Вами въ моло-
чахъ и протестовавшихъ противъ Вашей диктатуры.

Передо мной № 41 „Якутской Жизни“. Въ созданіи этого
№ участвовали Вы; это неопровержимо. Скажу болѣе: Вы, какъ
самая крупная величина изъ всего состава Редакціонной Ко-
миссіи и сотрудниковъ, редактировали № en grand.

Въ „Маленькомъ Фельетонѣ“ этого №-ра фигурируютъ всѣ
тѣ лица, кого лично Вы недолюбливаете, кто такъ или иначе
надосадилъ Вамъ, кто осмѣлился говорить Вамъ наискось: тутъ
Г. Л. Дравертъ, Н. Е. Олейниковъ, И. Н. Савенковъ, Кузь-
ка (псевдонимъ по вполне понятнымъ причинамъ не раскры-
ваю), и и., къ стыду Вашему, П. В. Олецкнъ.

Какъ будутъ реагировать первые четверо — не знаю. Я
реагирую только этимъ письмомъ.

Но протестую вообще противъ использованія моей особы въ
фельетонахъ — ибо почему не посмѣяться надъ тѣмъ, что кажется
смѣшнымъ — я протестую противъ того угла, подъ которымъ въ
фельетонѣ ослѣщены факты и, выражусь мягко, противъ жон-
глированія фактами; по моему мнѣнію подобныя литературныя
пріемы уместны въ бульварномъ листкѣ — въ честной газетѣ упо-
треблять ихъ стыдно.

Продитирую выдержки, несомнѣнно касающіяся меня. ... *„всю-
ду примазывается и всюду его гонятъ“*...

Въроятно и Вы, Всеволодъ Михайловичъ, согласитесь,
что здѣсь — говоря вѣжливо — нѣкоторая передержка, явно рас-

читанная на трубящейся фельетонисту (а может быть и Вамъ) эффектъ. Куда я „примазывался“—этого и самъ фельетонистъ не скажетъ, ибо онъ въ Якутскѣ безъ году недѣлю; не назоветъ онъ и мѣсть, откуда меня „гоняли“—развѣ вотъ скажетъ, что съ казенной службы прогнали. Но вѣдь это не „всюду“... Да и прогнали меня не за что либо позорное, а, главнымъ образомъ, за „близость“ къ нѣкоторой части политической колоніи (надѣюсь подтвердить, что не къ той, представителемъ которой является г-нъ Малкинъ) и „знакомство“ съ мѣстнымъ радикалетомъ, представителемъ и лучшимъ выразителемъ мыслей котораго являетесь Вы.

Это и Вамъ, и фельетонисту извѣстно. Использовать фактъ моего изгнанія со службы, тѣмъ болѣе, что Вамъ извѣстны и *непосредственныя*, вѣщія *причины* этого событія, въ смыслѣ „гонимія“ меня отовсюду, (предполагается, конечно, что „гоняли“ меня изъ тѣхъ группъ, обществъ, мѣсть, гдѣ собираются и работаютъ порядочные люди) для честной газеты—стыдно.

Но истолкуйте, пожалуйста, что я ставлю Вамъ въ упоръ, а себѣ въ сожалѣніе, упоминая объ моемъ изгнаніи со службы: наоборотъ, я радъ что такъ случилось, и если говорю объ этомъ, то лишь ради указанія, что фельетонистъ слегка, съ Вашего вѣдома, передернулъ.

... „*Какъ намѣтъ непризнавшее его заслугъ (а онъ и ордена имѣлъ и распечаталъ объ нихъ, чтобы все знали) начальство по косточкамъ перебирать*“...

Здѣсь двѣ передержки и два—ужь позвольте употребить близкое къ истинѣ выраженіе—доносика.

Первое—объ орденахъ. Я не настолько глупъ, чтобы хвастаться ими, одѣвалъ ихъ не болѣе двухъ разъ въ годъ къ

нашлишему костюму, ради визитирования. Только два раза в год я бывалъ, если обращать вниманіе на внѣшность, чпновникомъ. Эта виѣшняя, случайная черточка, абсолютно мнѣ не свойственная („хвастовство“ орденами) использована фельетонистомъ, какъ вѣчто глубоко отрицательное.

Это передержка. А вотъ и доносикъ.

Фельетонистъ, говоря о „пропечатаніи“, намекаетъ на мое объявленіе о продажѣ орденовъ. Да, я ихъ продалъ, какъ ломъ золота, ибо только такую цѣну они для меня иужли. Больше никакой. Объявляя о ихъ продажѣ и создавалъ инцидентъ, значеніе котораго быть можетъ будетъ оцѣнено безпристрастнымъ бытописателемъ.

Вотъ, у Васъ, Всеволодъ Михайловичъ, въ школьной комнатѣ и царскій портретъ виситъ, и икона. Всякій понимаетъ, что эти необходимые атрибуты школы не составляютъ предметовъ Вашего личнаго обихода, что они — только одинъ изъ компромиссовъ, вводя и терпя которые въ своей жизни, Вы имѣете возможность зарабатывать свой хлѣбъ. Будетъ ликвидирована школа — портретъ и икона будутъ, въ числѣ прочаго инвентаря, проданы или оставлены на квартирѣ, какъ лишній хламъ; быть можетъ, будетъ случайно объявлено, что „продается царскій портретъ и икона“... Ордена, металлъ, мнѣ оказались лишними — и я продаю ихъ.

Всеволодъ Михайловичъ. Что, если бы въ какойнибудь прогрессивной — эс-дековской, положимъ — газетѣ въ двѣляхъ укора или насмѣшки было напечатано: „У такого-то (Ваше имя и формуляръ Вашей службы родитѣ) на видномъ мѣстѣ виситъ царскій портретъ и ребята обучаются молитвословіямъ „Спаси, Господи... и т. д.“ — что бы Вы почувствовали и какъ бы поступили? Проведите параллель между собою и мной,

тогда Вамъ будетъ ясно, почему я такъ близко къ сердцу принимаю выпадъ фельетониста объ моихъ, печальной памяти, орденахъ.

Второе—о поребрании косточекъ начальству. Это было бы выпадомъ жалкимъ, если бы не было пошлымъ. И какъ Вы не сообразили, что ставить своего фельетониста въ смѣшное положеніе—прямо таки неудобно.

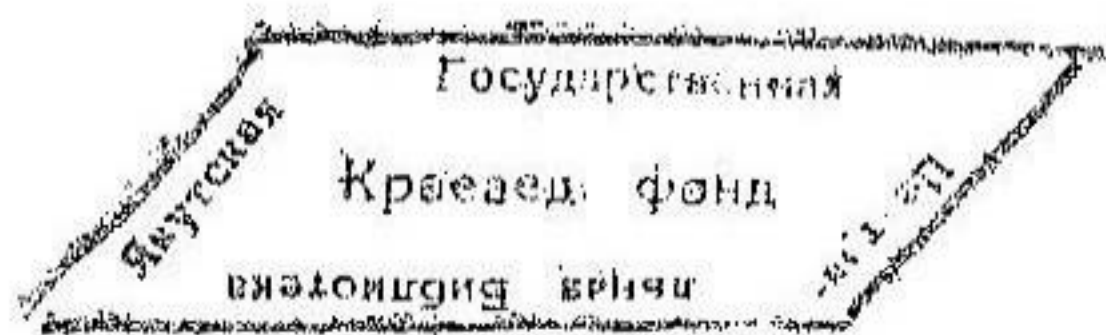
Передержечка въ слѣдующемъ: ни апологетомъ, ни поклонникомъ начальства я никогда не былъ; я всегда смѣлъ свое сужденіе имѣть п—о ужасъ—осмѣливался критиковать дѣйствія начальства, разъ онъ казался мнѣ нецѣлымъ; критиковалъ вслухъ, не стѣсняясь даже фельетониста, который воспользовался моею простотой для... доносика. Глубоко сожалею, что начальство не можетъ воспользоваться усердіемъ фельетониста и другой разъ прогнать меня со службы.

Всеволодъ Михайловичъ. Если какая нибудь газета укажетъ на любого изъ Вашихъ сотрудниковъ, что онъ „перекладываетъ косточки“ начальству—Вы скажете, что газета занимается сыскомъ и что сыскомъ заниматься стыдно.

И я скажу: стыдно.

Затѣмъ. Я не знаю, обдуманно или по недоразумѣнію въ томъ же фельетонѣ я и П. В. Оленинъ фигурируемъ рядомъ, какъ будто члены одной и той же, оппозиціонной Вамъ группы.

Ваше мнѣніе о П. В. Оленинѣ Вы неоднократно высказывали. Мое мнѣніе о немъ очень сходно съ Вашимъ: оно сложилось отчасти подъ Вашимъ вліяніемъ, отчасти какъ результатъ моихъ личныхъ наблюденій. Вы не станете отрицать, что Вами, на основаніи словъ г-на В—ча говорилось: „Достаточно быть

знакомымъ съ П. В. Оленинымъ, чтобы въ Петербургѣ *) быть на очень подозрительномъ счету“.

И послѣ этого въ фельетонѣ Вашей газеты стоять рядомъ я и П. В. Оленинъ.

Вы знаете, что лично я прекратилъ знакомство и сношенія съ П. В. Оленинымъ еще въ октябрѣ или ноябрѣ прошлаго года—я Вамъ объ этомъ говорилъ. Неужто послѣ собранія 28 іюня я и П. В. Оленинъ для Васъ стали людьми одной марки?

Если газета, ставя меня въ рядъ съ П. В. Оленинымъ, поступала обдуманно, съ опредѣленнымъ расчетомъ, то я не обвиняюсь скажу, что она совершила подлость.

Впрочемъ, мнѣ не хочется вѣрить, чтобы Вы, Всеволодъ Михайловичъ, были прямо причастны къ этой подлости.

Я высказалъ то, что долженъ былъ высказать. Этимъ я вполне удовлетворенъ.

Не думайте, что я стану привлекать газету къ коронному или третейскому суду. Нѣтъ.

Коронный судъ я считаю слишкомъ грубымъ аппаратомъ для разбора дѣлъ о (не примите за красное словцо) чести, да кромѣ того принципиально отрицаю компетенцію суда, дѣйствующаго безъ присяжныхъ заседателей—это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, я не вижу смысла въ попыткѣ запереть подъ замокъ ни само, ни духомъ въ виноватаго подставного редактора и тормозить этимъ полезную—какъ никакъ—работу газеты.

Къ третейскому суду тоже прибѣгать не стану, т. к. во-первыхъ, вердиктъ есть, какъ известно, результатъ судоговоренія, а куда уже мнѣ бороться съ опытнымъ, сившимся оркестромъ Редакціонной Комиссіи „Якутской Жизни“—следова-

*) Подъ словомъ „Петербургъ“ понимается группа интеллигентныхъ лицъ и ученыхъ дѣятелей, интересующихся дѣлами Як. обл. и имѣющихъ понынѣ съ нею связи. Поясняю, чтобы слово „Петербургъ“ не было истолковано иначе.

тельно шансовъ на успѣхъ имѣю мало*) и, во-вторыхъ—что самое главное—вызванные къ третейскому суду могутъ меня весьма легко спровоцировать: отказаться отъ суда на томъ основаніи, что не намъ, обломкамъ славнаго прошлаго и современнымъ крупнымъ дѣятелямъ, судиться съ прогнанвымъ со службы чиновникомъ—и отказомъ поставить меня въ необходимость прибѣгнуть къ послѣднему средству: пощечить автору „Маленькаго фельетона“.

Къ этому средству я прибѣгать *не хочу*. Я достаточно безгильвъ, да и не считаю плюхотдѣйствіе способомъ сведенія счетовъ.

Оставляю инцидентъ на Вашей совѣсти.

Повторяю, что я лично къ Вамъ, Всеволодъ Михайловичъ, остаюсь съ прежнимъ уваженіемъ, т. к. считаю, что лишь пренеуца и виолнѣ простительная въ Вашемъ возрастѣ ветеранность и раздражительность были причинами, помѣшавшими Вамъ положить veto на инкриминируемыя мною выраженія „Маленькаго фельетона“ № 41-го.

С. В. Цржиборовскій.

Якутскъ.
15 іюля 1908 г.

Р. С. Да. Еще по поводу фельетона „Някинъ“. Неужто и онъ по адресу того кружка, въ который состояли: я, Г. М. Дравертъ, Н. А. Маковъ, И. В. Поповъ (художникъ), г. Соколовъ (учит. сем.) и политическій ссыльный Мыкола (фамилія по помню)?

Мнѣ неясно. Я спрашивалъ у всевѣдущаго Мих. Вас. Сабунаева, и онъ (какъ велемудрый юристъ и старецъ лукавый) сказалъ, что въ гордѣ не только этотъ одинъ кружокъ. Вирочемъ, М. В.—это источникъ не всегда достаточно освѣдомленный и притомъ состоящій въ родствѣ съ Ред. Комиссій. По-

*) Но вызванный Вами—приму вызовъ.

этому просилъ бы отвѣтить, по моему ли адресу брошено обвиненіе въ подготовкѣ почвы для „лиги любви“.

Прошу дать исчерпывающій отвѣтъ въ газетѣ.

Если не будетъ отвѣта или обвиненія, подтвержденнаго фактами, то позволю себѣ въ свое время объявить, что газета „Якутская Жизнь“ 1) лжетъ и 2) не брезгаетъ никакими средствами при сведеніи счетовъ съ несимпатичными и неугодными ей лицами.

Еще р. с. Это письмо было уже набрано, когда вышелъ № 45 „Я. Ж.“ и въ немъ фельетонъ безъ подписи. Отсутствие подписи (если это не случайность) позволяетъ мнѣ сдѣлать заключеніе, это фельетонъ редакціонный. Редакція хочетъ увѣрить, что фельетоны № 41-го не были направлены по определеннымъ адресамъ.

Это литературное шулерство.

Якутскъ—городокъ малосъкій, и читатель всегда *угадаетъ* о комъ рѣчь идетъ, а послѣ настоящаго письма и *знатъ* будетъ.

Но лично мнѣ, а читателю чѣмъ болѣе, неясно, и по моему ли, между прочимъ, адресу брошено обвиненіе въ подготовкѣ почвы для „лиги любви“. Поэтому настаиваю, чтобы газета, не извиваясь и не прячась за спины двухъ генераловъ и сапожника, ясно и точно формулировала *мою* прикосновенность къ „лигѣ“.

28 іюля 1908 г.

Выручка отъ продажи этой брошюры поступитъ въ фондъ изданія газеты „Якутская Жизнь“.

Цѣна 15 к.

ЯКУТСКІЕ ЭТЮДЫ.

(ФЕЛЬЕТОННО-САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

*

Издаіе Савенкова.

В Ы П У С К Ъ III.

Макаръ.

ЯКУТСКАЯ ПОШЕХОНИЯ.

Цѣна 50 коп.

ЯКУТСКЪ. ТИПОГРАФІЯ В. В. ЖАРОВА
1908

35653

Якутская Пошехонія.

* ————— *

Выступая впервые предъ читателемъ, считаю нужнымъ рекомендоваться. Я тотъ самый Макаръ, на котораго валятся всё шишки.

Вполнѣ понятно послѣ этого, что въ Кузькѣ я вижу товарища по несчастію, не умѣющаго питаться отъ куначескихъ щедротъ.

На дняхъ встрѣчаю этого бѣднягу очень огорченнымъ.

— Въ чемъ дѣло? спрашиваю. —

— Скверно, — отвѣчаетъ Кузька, — я наблюдалъ невѣроятное потрясеніе основъ. Давно уже нашими прадедами введена во всеобщее употребленіе пословица: „Не тронь — не воняетъ“, а я не трогалъ, а все-таки завоняло!

— Какимъ образомъ? — удивился я. — Расскажи, пожалуйста! —

— Длинная исторія. Впрочемъ, расскажу. Ты слышалъ что нибудь о Сапогѣ, Лаптѣ и Старомъ башмакѣ? —

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ такіе въ литературѣ не извѣстны. —

— Ты ошибаешься. Читалъ-ли ты когда нибудь московскую брошюрку: „Пошехонцы“? —

— Ну, помню! —

— А если такъ, то вспомнишь, вѣроятно, и тѣхъ молодцовъ, которые толкну въ рѣкѣ разводили. Представь себѣ, что эти почтенные дѣятели въ настоящее время разводятъ толо-

бно... то-бишь, газету... Положимъ, въ Якутскѣ, но все-таки — газету. Это вводитъ въ заблужденіе легковѣрныхъ. Въ числѣ такихъ легковѣрныхъ оказался и я. Приходить ко мнѣ пошехолецъ и говорить:

— Почему не пишешь? Приходи къ намъ. — Пропиши когонибудь. —

— А вы, говорю, — не обругаете меня въ концѣ-концовъ и псевдонима не обнаружите? —

— Не обругаемъ, — мы люди интеллигентные. Только насъ не трошь: полувинтелягентами насъ не называй и нашихъ литературныхъ талантовъ не отридай! —

— Ладно, — думаю, — среди всякаго народа герся, — поваламандуюсь малость и съ пошехонцами. —

Долго-ли, коротко-ли, только надумался я пойти къ намъ. Подхожу къ редакціи, гляжу, а на тротуарѣ клочки шерсти какой-то валяются. Поднял я эту шерсть, вошелъ въ редакцію, показалъ сторожу и спрашиваю:

— Скажите пожалуйста, что это за гадость у васъ на тротуарѣ валяется? —

— Ахъ, чертъ ихъ возьми! — отвѣчаетъ. — Вишь ты, якутскіе литераторы у насъ тутъ передрались, другъ другу бороды повыврывали и по вѣтру пустили, — мало того, что редакцію, а и всю улицу шерстью своей засорили. Срамота! Спервоначала въ собственномъ соку кипѣли да ругались. А потомъ начали грязное бѣлье у сотрудниковъ трясти, да псевдонимы разоблачать. Скажешь имъ: „господа пошехоицы, и поже этакъ и въ литературномъ мѣрѣ не принято.“ „Ладно,“ отвѣчаютъ, — „намъ законъ не писанъ!“ А потомъ опять про-

межь себя перессорились и сейчас — въ бороды... Знамо — пошехонцы! —

Послушалъ я правдивый рассказъ и рѣшилъ уйти подальше. Только черезъ нѣкоторое время приходитъ ко мнѣ пошехонецъ и говоритъ:

— Ты все-таки пропиши кого нибудь. А то у насъ писать-то никому!

Малость погода написалъ я и послалъ въ пошехонскую редакцію, но на великій случай сверху рукописи приписку сдѣлалъ: прошу, моль, соплями не мазать! Дѣло, видишь-ли, въ томъ, что одну рукопись они мнѣ всю этимъ ихнимъ редакціоннымъ матеріаломъ испачкали.

Обидѣлись пошехонцы, — насилу рукопись назадъ вызволилъ.

Тутъ какъ разъ и подвернись добрый человекъ.

— Охота—говорить—тебѣ, Кузька, съ пошехонцами валан-даться. Пошехонцы—народъ сытый: они пишутъ да сами своимъ письмомъ любятъ, а тебѣ, братъ, такъ не приходится. Пиши за деньги. Думаешь, въ Якутскѣ не купятъ? Коли правду напишешь, такъ и здѣсь купятъ! —

Сталъ я съ тѣхъ поръ за деньги писать, и хлѣбъ съ масломъ ѣсть.

Увидали это пошехонцы и разсердились, зависть ихъ взяла. Они думали, что хлѣбъ съ масломъ ѣсть — это ихъ привилегія, а нашъ братъ долженъ на нихъ смотрѣть и кланяться.

А тутъ еще подвернись въ моемъ писаніи такой типъ (надо полагать Обираловъ), въ которомъ пошехонцы своего благодѣтеля усмотрѣли, — и закопошились.

Откопали они откуда-то мою маленьку самозванную и на меня канустили. А старуха, известно, вздорная:

лгать, клеветать — это ей непочемъ. Вѣдь за то ее и изъ родного дома выгнали. Начала она съ того, что Кузей меня назвала. Непривыкъ я къ такой ласкѣ. —

Вижу, что каверзу какую-то готовятъ. Такъ и вышло. Начала она врать, да такъ нагло, такъ нагло: сперва нѣсколькихъ незнакомыхъ мнѣ людей оклеветала, доносъ на нихъ по начальству сдѣлала, потомъ товарищами моими ихъ назвала. И еще что выдумала: будто я какое-то заведеніе покушалъ и у купцовъ деньги просилъ, а тѣ не дали, послѣ чего я на нихъ и озлобился. Ей—Богу, Макарь, ни у кого денегъ я не просилъ! А что насчетъ купцовъ, такъ я ихъ даже люблю, — только настоящихъ купцовъ, смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, а не тѣхъ, что на обухѣ рожь молотятъ. Эти, впрочемъ, не купцами и называются, а „кулаками“. Только пошехонцы не смѣютъ ихъ такъ называть!

И вѣдь какая провокаторская старуха: во всемъ ея наскви-лѣ такъ и сквозитъ желаніе мой псевдонимъ во всеобщее свѣденіе обнаружить и, значить, незамѣтнымъ образомъ, Гудино дѣло совершить.

Успокойся, Кузька, — сказалъ я. — Просто, пошехонцы увидѣли въ тебѣ коньурента, и перепугались; а такъ какъ по правиламъ литературныхъ задворковъ (твердо усвоеннымъ пошехонцами) каждаго конкурента слѣдуетъ заблаговременно обливать помоями, то они и обливаютъ, да кстати ужъ прихватываютъ и всѣхъ, относящихся непочтительно къ пошехонскому генералитету.

Особенно боится они „человѣка, вращающаго бѣлками“. Не даромъ твоя маменька говоритъ, что она всегда испуганное лицо дѣлаетъ, когда его увидитъ. И не мудро: ужъ очень

она ничтожна передъ нимъ! Потому и злобствуетъ на него, и клевететь.

— Что касается кушцовъ, — продолжалъ я, — то кому же не извѣстно, что „Кузьки“ чаще дохнуть съ голоду, чѣмъ попрашайничать, тогда какъ съ „Кузькиными матерями“ дѣло обстоитъ иначе: они основываютъ свое существованіе на купеческихъ подачкахъ и, вполне понятно, что на ихъ долю выпадаетъ неблагоприятная роль защищать своихъ благодѣтелей отъ вашего брата. Кроме того, сознайся: вѣдь ты не интеллигентъ?

— Нѣтъ, — Макаръ, — не интеллигентъ я, — отвѣчалъ Кузька.

— Ну вотъ видишь! Мало того, ты постоянно заявляешь: „я самъ съ усамъ!“ я дѣлешь интеллигенцію на признанную и не признанную, причемъ критерій для этого опредѣленія ищешь въ сознаніи такихъ-же „Кузекъ“, какъ самъ. Вѣдь это-жъ обидно для пошехонцевъ! —

Послѣ этого Кузька немного успокоился.

— Такъ пускай, — говорить, — моя маменька не вреть, по крайней мѣрѣ, что я ей свои произведенія преподношу.

— Наввный-же ты парень, Кузька! Неужели не видишь, что для твоей самозванной маменьки литература и ложь — синонимы. Погоди малость, она еще не то на тебя клевететь. А ты напечатай-ка лучше ея исторію. Пусть люди добрые знаютъ, что это за мерзкая старуха. А я напечатаю о томъ, какъ „Якутское пошехонье“, газета политическая, общественная и литературная занялась писаніемъ пасквилей на своихъ конкурентовъ.

— И вѣрно! — воскликнула Кузька усмѣхнувшись.
— Напечатаю, и разговаривать больше о пошехонцахъ не

стану: ужь очень мерзки они. Отъ юности моя фелетонами кормлюсь, а такой гадости подь перо не понадалось! А ты знаешь, Макаръ, откуда они здѣсь взялись? —

— Отъ сырости завелись, надо полагать, — отвѣтилъ я.

— Вотъ именно, — сказалъ Кузька. — Обидно мнѣ только, что мудрость народную они отрицають: я ихъ не трогалъ, а они зловоніе распускають! —

На этомъ мы разстались.

МАКАРЪ.

*Готовится къ печати IV выпускъ „КУЗЬ-
КИНА МАТЬ“.*

ЯКУТСКІЕ ЭТЮДЫ.

(ФЕЛЬЕТОННО-САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ).

Издаше Савенкова.

ВЫПУСКЪ IV.

Кузька.

1908.1

КУЗЬКИНА МАТЬ.

Цѣна 20⁰ коп.

20 К -

~~30004~~

С т ъ а в т о р а .

Я считаю уместнымъ отвѣтить на первый пасквиль „Як. Ж. , касавшійся меня. Это дасть мнѣ возможность сдѣлать лишній набросокъ съ физиономіей якутскихъ „дѣятелей“ и отмѣтить явленіе, заслуживающее общественнаго вниманія. Вѣдь именно это и входитъ въ задачи „Якутскихъ Этюдовъ“. Такимъ образомъ, настоящее предисловіе служить какъ-бы дополненіемъ и поясненіемъ къ „Якутской Пошехоніи“. Если отвѣтъ мой не понравится господамъ, засѣдающимъ въ редакціи этой, съ позволенія сказать, газеты, то я спою имъ:

—Ну, а ты, кума Матрена,
Не подвертывайся!—

Итакъ, мое предисловіе относится къ вамъ, господа пошехонцы.

Представьте себѣ человѣка, которому говорятъ: „Вотъ мощи!“ Не будучи, можетъ быть, увѣренъ въ подлинности „мощей“, но не желая оскорблять чувства другихъ, онъ относится съ полной корректностью къ какому-то безформенному предмету, прикрытому флеромъ общенія съ былыми подвижниками.

Представьте-же теперь, что этотъ безформенный предметъ начинаетъ шевелиться; флеръ, до сихъ поръ прикрывавшій его истинную сущность, начинаетъ, мало-по-малу, спадать... вы ожидаете чуда, но, вмѣсто чуда, предъ вашими взорами встаютъ... краденые „генеральскіе штаны“, съ необычайной легкостью марширующіе слѣва направо и обратно.

То, что считалось мощами вашихъ святыхъ, оказалось „ге-

неральскими штанами"! Можно ли придумать чтонибудь болѣе обидное для вашего чувства

Именно такую обиду испыталъ я, какъ, впрочемъ, и многіе.

Начавъ помѣщать свои очерки въ „Якутск. Этюд.“, я выступилъ противникомъ „ликующихъ“, но едва успѣлъ появиться два первыхъ выпуска, какъ, совершенно для меня неожиданно, появился и появился въ вашей газетѣ, защищающей тѣхъ самыхъ „ликующихъ“, который представляется намъ, людямъ труда, враждебнымъ лагеремъ.

Я давно оцѣнилъ васъ по достоинству, по „мощи“... „корректности“... Теперь-же считаю нужнымъ опредѣлить точно ваше мѣсто въ общественной жизни и включить васъ въ ту коллекцію типовъ, которую я подбираю въ „Якутск. Этюдахъ“.

Въ своемъ пасквилѣ вы вступились за осмѣяннаго мной кулака, „создающаго свое благополучіе на бѣдности и невѣжествѣ населенія“; за пробитый банный листъ, приставшій къ сытымъ, чтобъ давить голодныхъ; съ дворянскимъ презрѣніемъ отозвались о работѣ „на кухнѣ“. Дворянское отношеніе обнаружили вы и вообще къ наемнымъ рабочимъ. Положимъ, вамъ хотѣлось досадить мнѣ—своему конкуренту. Но вѣдь нельзя-же, все-таки, перепархивать въ чужой лагерь. Вѣдь это напоминаетъ характерную черту проститутки: для нее не существуетъ „лагерей“ (можетъ быть, это дефектъ интеллекта), и она можетъ свободно переходить отъ одного къ другому, руководствуясь временными выгодами. Газетная проститутка заслуживаетъ гораздо большаго презрѣнія, чѣмъ проститутка обычная. Такъ или иначе, вы—во враждебномъ лагерѣ.

Въ такомъ случаѣ, отмежуемся. Отмежуемся такъ же, какъ отмежевывается теперь отъ васъ повсюду трудовой народъ,

почуявъ въ васъ не друзей, а враговъ, способныхъ вставать на его сторону лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется вамъ выгоднымъ или льститъ вашему самолюбію.

Вы мните себя „героями“, а васъ „толпой“. Въ вашемъ пониманіи эти термины претерпѣли своеобразное преломленіе и стали для васъ доступными лишь въ такомъ видѣ: „господа“ (т. е. интеллигенція) и „простонародье“ (т. е. трудовыя массы).

Соотвѣтствующія отношенія вы въ намъ и установили. Вы — бѣлая кость, мы — черная. Вы — всегда сыты, мы — часто голодаемъ.

Вы ближе къ нашимъ противникамъ, чѣмъ къ намъ.

Безамѣрное самолюбіе да дворянское лицемеріе — вотъ ваша подоплека!

Можетъ быть, скажете, что это обычные выпады противъ интеллигенціи? Ничего подобнаго. — Я говорю о васъ!

Вы — полунинтеллигенты. Полунинтеллигенты около васъ и группируются. Вы — вожди полунинтеллигенціи! Отъ истинной интеллигенціи вы усвоили лишь внѣшнюю сторону: уваженіе, ее окружающее, и вамъ захотѣлось, чтобъ васъ тоже уважали. Но вѣдь уважаютъ за что нибудь. За что-же уважать васъ? За то, что вы издавали здѣсь газету? Но вѣдь вы вели это дѣло такъ безалаберно, часто по пошехонски, что газету вашу перестали читать, и она можетъ существовать только купеческими щедротами. Появляя, что на этой почвѣ уваженіе себѣ не создать, вы рѣшили заставить себя уважать насильно, и прибѣгли къ приемамъ „Кузькиной матери“, воспользовавшись средствами находящимися въ вашихъ рукахъ печатнаго органа для сведенія личныхъ счетовъ съ оскорбившими ваше самолюбіе людьми. Здѣсь вы, самозванцы интеллигенты, показали свои

интеллектуальныя силы. Среди васъ не нашлось человѣка, способнаго написать удобоваримый памфлетъ, и изъ вашей конюшкы получился гнуснѣйшій пасквиль—образецъ литературнаго невѣжества и нечистоплотности! И съ такими силами вы думаете служить культурнымъ задачамъ въ Якутской области?! Повѣрьте, бѣдные пошохонцы, что вы достигнете какъ разъ обратнаго результата.

Вы не сумѣли даже выбрать для себя приличнаго псевдонима, и назвались „Кузькиной матерью“, т. е. олицетвореніемъ грубаго насилія*).

„Кузькины матери“ вы и есть, потому что, не имѣя высокихъ качествъ матери, требуете того уваженія, котораго она заслуживаетъ. Я думаю, что, когда русскій народъ ругается, то онъ имѣетъ въ виду именно такихъ „Кузькиныхъ матерей“, какъ вы.

Вы аристократы (не даромъ-же съ такимъ презрѣніемъ говорите о кухнѣ и наемникахъ), ну и ступайте къ аристократамъ: вы ближе къ нимъ, чѣмъ къ намъ, ибо мы, вообще,—люди кухни. Если-же иногда намъ приходится бросать кухню и братья за перо, такъ это въ томъ случаѣ, когда печатное слово попадаетъ въ руки полунинтеллигентовъ—этой вредной, безталанной „наквипи“ на русской жизни.

Кузька.

---

*) Для будущихъ своихъ пасквилей вы, вѣроятно, постараетесь придумать псевдонимъ поумнѣе.

Кузькина мать *).

— * —

Я прочелъ обвинительную рѣчь прокурора по дѣлу о Якутскомъ союзѣ, и тутъ только узналъ, что русская администрація находится въ близкомъ родствѣ съ якутами: она приходится послѣднимъ матерью.

—Какъ же матерью, — подумалъ я, вѣдь русская администрація представляетъ изъ себя смѣсь нѣмцевъ со славянами, а якуты — монголо-тюрки? —

Но при вѣкоторомъ напряженіи памяти, родство якутовъ съ администраціей стало мнѣ ясно: я вспомнилъ, что въ Россіи существуетъ особая разновидность матери, это т. н. „Кузькина мать“.

О происхожденіи такихъ матерей повѣствуетъ особое народное сказанье.

Если читатель не знакомъ съ этимъ произведеніемъ русскаго народного юмора, то я позволю себѣ вкратцѣ передать его.

Когда то давно, жила въ одномъ городѣ ветхая старуха у своего сына. Права она была неспокойваго, сварливаго, и въ одно прекрасное время сынъ выгналъ ее изъ родного дома на всѣ четыре стороны. Думала — думала старуха, куда пріютиться, и рѣшила идти жаловаться на сына къ начальнику города: онъ — де заставитъ сына уважать меня. И правда, какъ сказала она начальнику про свое горе, тотъ и свѣту не взвидѣлъ, — до того разсердился.

---

*.) Печаталась въ газетѣ „Якутскій Край“.

—Какъ, — говорятъ, — чтобъ въ моемъ городѣ, да такіе безпорядки? Не повторю!... —

И послалъ онъ съ этой старухой стражниковъ, чтобъ нашли они и привели къ нему немедленно непокорнаго сына.

Пошла старуха, но жаль ей стало сына (заговорило, знать, материнское сердце). Водить она стражниковъ назадъ и впередъ по городу, не подводя къ сыновнему дому. А стражники, между тѣмъ, пристали: подавай сына да и только! Мотнулася старуха туда-сюда да и указала на проходившаго мимо цыгана — Кузьку: — Вотъ, молъ, оцъ, сынъ мой родимый! —

Схватили стражники цыгана и привели къ начальнику.

Закричалъ на него начальникъ, затопалъ и велѣлъ предварительно выпоротъ по положенію. Выпоролъ Кузьку по положенію и привели опять къ начальнику.

— Ну, повилъ тецерь, что долженъ ты свою мать кормить, поить, нестовать? — спросилъ его начальникъ.

— Да вретъ она, старая чертовка: не мать она мнѣ, Ваше-скородіе! — отвѣчалъ Кузька.

Еще пуще разсердился начальникъ послѣ этихъ словъ:

— Такъ ты, — говоритъ, — мать-то еще и ругасель? И велѣлъ поротъ цыгана до тѣхъ поръ, пока за такіе слова прощенія ни запросить.

Опять стали поротъ Кузьку. Долго терпѣлъ оцъ, наконецъ запросилъ прощенія за то, что мать обругалъ.

Начальникъ послѣ этого сталъ добрѣе.

— Ну, вотъ видишь, — говорятъ, — какъ вы, дураки, должны благодарить начальство, что оно васъ уму-разуму учитъ. Возьми же теперь къ себѣ мать, корми, пои, пестуй; да на себѣ и вези по городу до дому, чтобъ все добрые люди видѣли твое

раскаивіе. Да смотри: если посмѣешь сказать кому, что не мать она тебѣ, такъ я тебя живого не оставлю!

Поблагодарилъ Кузька начальника, посадилъ старуху къ себѣ на сивку и повезъ домой.

Дорогой встрѣчается ему товарищъ-цыганъ и спрашиваетъ: —это что у тебя за старая чертовка на сивкѣ сидитъ?—

—Не чертовка это, а матушка моя родимая—отвѣчаетъ Кузька.

—Да откуда ты ее взялъ? У тебя и матери-то, кажись, никогда не было!....

—А вотъ поѣди къ начальнику, такъ онъ и тебѣ дастъ!...—отвѣчаетъ Кузька.

. . . . .

И представляется мнѣ теперь, что везетъ якуть на своей сивкѣ отвратительную, злую старуху.

—Кого везешь?

—Матушку родимую!....—

—Да откуда ты ее взялъ?

—А вотъ поѣди къ прокурору, такъ онъ и тебѣ дастъ!

КУЗЬКА.

